

Казанский федеральный университет
Институт международных отношений
Институт восточных рукописей
Российской академии наук

Kazan Federal University
Institute of International Relations
Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts

*Посвящается 185-летию создания
кафедры монгольской словесности в Казани*

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ
международных
отношений

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
Первые Ковалевские чтения

24-26 сентября 2018 г.
г. Казань

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Казань – Санкт-Петербург
2018

емственность методов поиска и исследования материалов об историко-культурном наследии народов России и Центральной Азии».

Эстафета научных экспедиций, которые проводили, помимо О.М. Ковалевского, другие выдающиеся исследователи и путешественники, продолжается и в наши дни. Современные участники активно включились в проведение полевых исследований в рамках комплексных этнолого-лингвистических, историко-этнографических, фольклорных и др. экспедиций, стараются сохранять преемственность научных изысканий в Монголии и буддийских республиках России (Бурятия, Калмыкия и Тыве). Дальнейшие шаги по выявлению, описанию и публикации письменного наследия монголов пополнят наши знания в этой до сих пор малоизведанной области ее распространения.

Т.А. Пан

DOI 10.25882/khf2-m606

**В.П. Васильев о связях китайского языка
со «среднеазиатскими» языками**

Работа выполнена в рамках проекта № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»

Письменное наследие акад. В.П. Васильева отражает большой научный кругозор ученого. В нем представлены работы по философии и религии Востока, синологии (языку и литературе), языкознанию, политической истории и экономике, археологии и географии, библиографии Востока, заметки по востоковедению. Среди изданных пособий по китайскому языку, филологических и исторических комментариев к китайским текстам выделяется довольно объемная лингвистическая статья «Об отношении китайского языка к среднеазиатским», опубликованная В.П. Васильевым в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1873 г. Статья имеет подзаголовок: «Посвящается моему молодому другу И.П. Минаеву» и была издана после выхода книги И.П. Минаева «Очерк фонетики и морфологии языка Пали» (СПб, 1872). Вполне вероятно, что статья В.П. Васильева была написана под влиянием этой работы И.П. Минаева, в которой дается сравнительно-исторический анализ языка пали и большое культурологическое введение о влиянии санскрита и буддизма на

язык и индийскую культуру, а также на индийские языки. Во второй половине XIX в. сравнительно-историческое языкознание было наиболее развивающимся направлением лингвистики, все европейские языки рассматривались как индоевропейская семья с общим праязыком – санскритом. И.П. Минаев разобрал эту же проблему и для индийских языков. В своей статье В.П. Васильев обратился к тем языкам, которыми занимался он, и попытался использовать сравнительно-исторический метод для определения родства «среднеазиатских языков» и выявить их общий праязык.

Не считая себя профессиональным лингвистом, В.П. Васильев в начале статьи пишет: «Китайский язык и его литература требуют такого разнообразного труда, что одному человеку нельзя во всем равно успеть, а между тем, чем больше изучаешь, тем более выступают все новые и новые вопросы, которые имеют притягательную силу, и которых хотелось бы коснуться. От этого-то я и не мог посвятить себя филологии всецело <...>. Известно, что я коснулся в моей учебной деятельности всех этих предметов (т.е. различных аспектов китайистики – *Т.П.*), и потому от меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части. Но я не думаю себя винить; всякий занимается тем, к чему способен, и я гораздо более считаю для себя и для настоящего времени почетным – внести в науку одну или две свежие идеи, которые расшевелили бы ее, чем дарить тяжеловесным специальным трудом, который в свое время при развитии науки, окажется все-таки ученою игрушкой» (стр. 84)

Важность анализа китайского языка в диахронии и его влияния на другие языки объясняется В.П. Васильевым длительным историческим развитием языка: «Если на моносиллабические языки смотреть, хоть не как на остатки древнейшего человеческого слова, а как на памятники, по которым можно возвыситься до суждения об этом слове, следовательно, как на краеугольный камень филологии, то мы находим, что осмысленного изучения моносиллабических языков никто еще и не начинал. Никто не станет отрицать, что китайский язык в среде этих моносиллабических языков, представляет материалы самые древние; между тем филология его обходит и исключает из своей среды; а что сделали до сих пор специалисты синологии? Догадались ли они разобрать древние книги и указать в них варианты различных наречий, давшие оттенки древней письменности? Разрабатывали ли они существующие поныне китайские наречия? Обратили ли внимание на скрывающиеся в одном и том же слове различные корни? <...> Кто подумал о сравнении корней китайского языка с

санскритским? А между тем, может быть, как я предполагаю (насколько мне известен санскритский), эти корни общие; по той же методе, по которой я в этой статье разбираю отношение китайского языка к среднеазиатским, можно отыскать объяснение флексий, суффиксов, префиксов и даже синтаксических уклонений, по крайней мере, в арийских языках» (стр. 83). Призыв В.П. Васильева к специальному изучению китайского языка был, отчасти, адресован европейским лингвистам того времени, которые полагали, что китайский язык не имеет никакой связи с другими языками, что он живет «какой-то особенной, не подходящей под общие законы человеческой речи, жизнью» (стр. 85). Ученый категорически не соглашался с мнением Вильгельма Гумбольта и его последователей о том, что в китайском языке нет грамматики, и что этот «язык не принадлежит де к области других языков и что о нем не стоит говорить» (стр. 103).

Под «среднеазиатскими языками» автор имеет ввиду маньчжурский, монгольский, татарский, турецкий, тибетский, то есть языки народов, населяющих «сплошную массу от Восточного океана до Средиземного моря, заходящее в Сибирь и в Европу с одной стороны, и проникшее в Китай с другой» (стр. 82).

Ставя своей задачей показать влияние китайского языка на языки соседних северных регионов, В.П. Васильев увлекался поиском китайских корней и этимологии слов в языках алтайской группы (маньчжурском, монгольском, татарском и турецком), зачастую утверждая о ней там, где ее нет, судя лишь по наличию созвучного слога или даже звука в корнях слов этих языков. Этим ученый хотел доказать первичность китайского языка по отношению к «среднеазиатским» языкам, ошибочно называя его «первообразным» языком, на котором «мог говорить человек на первых порах развития человеческой речи» (стр. 103).

Статья В.П. Васильева «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» не была однозначно оценена востоковедами. В 1918 г. В.В. Бартольд писал: «Отношение средне-азиатских языков к китайскому не могло быть вполне ясно Василию Павловичу, вследствие отсутствия лингвистической методологии; уже им было начато то сопоставление китайских корней с индо-европейскими, которое потом довел до крайности его ученик С.М. Георгиевский. Кроме того, Василий Павлович, как его сверстник, тюрколог И.Н. Березин, оставался на почве “Recherches sur les langues tartares” Абель-Ремюза (1820) и продолжал объяснять из китайского языка турецкие окончания. Наконец он предполагал непосредственное участие китайцев, будто бы в большом количестве переселявшихся в степь, в движении

ях кочевых народов. При таких условиях естественно, что влияние Китая на жизнь среднеазийцев в трудах Василия Павловича несколько преувеличивалось» (см.: Бартольд В.В. Исторические и географические труды В.П. Васильева // Столетие дня рождения академика Василия Павловича Васильева. Известия Российской Академии Наук. Петроград, 1918, с. 554.)

Тем не менее, следует сказать, что работа В.П. Васильева является первой попыткой сравнительно-исторического анализа китайского языка, и может быть интересна как отражение раннего этапа развития алтаистики.

М.П. Петрова

DOI 10.25882/9777-9v71

Магический реализм в романе Г. Аюурзаны «Тайны священного Хангая»

Метод магического реализма не является абсолютно новым для монгольской литературы XX – начала XXI вв. Им активно пользуются такие авторы, как Д. Батбаяр (род.1941), Л. Дашням (род.1943), Г. Мэнд-Ооёо (род.1952), Ц. Тумэнбаяр (род.1959), Л. Ульдзийтугс (род.1972) и другие. В их произведениях магические элементы включены в реалистическую картину мира.

Современный монгольский писатель Г. Аюурзана (род.1970) известен широкой читательской аудитории своими романами «Мираж» (2003), «Долг в десять снов» (2005), «Рождённые эхом» (2007), ставшими образцом постмодернистской прозы в литературе Монголии последнего времени. Обратившись от постмодернизма к реалистическому методу, Г. Аюурзана выпускает романы «Легенда о шамане» (2010), «Шугдэн» (2012), «Белый, чёрный, красный» (2014), «Пульсация» (2015), в которых касается важных социокультурных проблем современного общества.

Роман «Тайны священного Хангая» (2017) написан в стиле магического реализма. Будничное и повседневное сочетаются здесь с фантастическим и магическим, а мифопоэтическое сознание персонажей определяет окружающую действительность. Магия, магическое, тайна, таинственное – одни из ключевых понятий романа. Исходным материалом автору служит история жизни последнего владельца князя (дзасагта) по имени Пурэв гун одного из хошунов на